

III. 24-е февраля: Февральское Временное правительство

Для Прудона, который на свою беду был, как известно, столько же метафизиком, сколько экономистом, история есть метафизика в действии. Существует на свете формула, окрещённое именем *антиномии*; её открыли Кант и Гегель, а Прудон принял её и положил в основание своей философии. Антиномия состоит в противоположении двух противоречивых идей, называемых тезисом и антитезисом; установив это противоречие, Кант и Гегель берутся разрешить его посредством третьего термина, именуемого синтезом, который и заключает ряд; по Прудону, напротив, антиномия не разрешается; противоречие между тезисом и антитезисом остаётся, но между ними водворяется равновесие.

Не будем оспаривать этой теории; мы упомянули о ней лишь для того, чтобы сделать понятным рассуждения, которые Прудон предпосылает своей оценке временного правительства.

Всякое правительство, говорит он, устанавливается в противоречии с тем, которое предшествовало ему; этого требует закон антиномии. Павшее правительство – тезис, и этот тезис вызывает свой антитезис, свою противоположность; этот противоположный принцип и будет тот, во имя которого учредится новое правительство; иначе ему не было бы причины быть. Так, июльское правительство было противоположностью легитимности, легитимность – империи, империя – директории, которая сама была учреждена из ненависти к Конвенту, созванному также с целью покончить с монархией Людовика XVI-го.

Правительство Луи Филиппа было правлением буржуазии, т. е. капитала: что должно было его заменить? Правление *труда*; и действительно, правление труда было основано 24-го февраля 1848-го года. Декрет временного правительства гарантирующий свободу труда, был свидетельством рождения февральской республики.

Но что такое правление труда? Может ли труд сделаться правительством? Может труд управлять или управляться? Что общего между трудом и властью?

Этого вопроса раньше не задавали себе. Правительственный предрассудок был силен, и никто не мог вообразить себе организованного общества без правительства. Поэтому народ поспешил восстановить власть и вверил её в руки нескольких человек, поручив им решить заодно с политической задачей задачу пролетариата.

Здесь в последний раз и с поразительной ясностью обнаружилась неспособность правительства делать революцию.

А между тем, члены временного правительства, люди, тридцать лет прошедшие в заговорах, боровшиеся против всех деспотизмов, критиковавшие все министерства, писавшие истории всех революций, имевшие каждый свою политическую и социальную теорию в своём портфеле, были все люди умные. Авантюристы прогресса, они только того и желали, чтобы принять на себя какую-нибудь инициативу; в советниках у них также не было недостатка. Каким же образом могли они пропустить три месяца, не издав в течении этого времени ни одного самого ничтожного преобразовательного акта, не продвинув революцию ни на одну линию? Каким образом гарантировать своим декретом свободу труда, если они всё время своего управления заботились, по-видимому, только о приискании средств отвернуться от исполнения своего обещания? Почему не сделали они ни малейшего опыта какой-либо земледельческой или промышленной организации? Почему лишили они себя такого решительного аргумента против утопий, как опыт?

“ «Сказав ли? Воскликает Прудон. Мне ли, социалисту, оправдывать временное правительство? Дело в том, что они были правительством, а в деле революции инициатива правительству претит, как труд капиталу; дело в том, что правительство и труд не совместимы, как знание и вера. Вот в чём разгадка всех факторов, случившихся с февраля во Франции и в Европе и которые, может быть, долго ещё будут совершаться»

Из этого следует, что тогдашние социалисты совершенно напрасно упрекали временное правительство за то, что оно ничего не умело создавать. Правительство и не может ничего создавать; его не способным на это делает само его положение, как правительства; инициативу в реформах следовало принять самим социалистам, гражданам, народу; дело правительства было только не мешать им.

Но, скажут, во всяком случае, временное правительство заслуживает упрёка: если оно не могло ничего создать, то могло разрушать.

Оно могло и должно было отменить все законы стесняющие личную свободу, обезоружить власть, распустить армию, упрочить свободу собраний и свободу печати. И тогда народ, получив свободу действовать, сам взялся бы без правительственной инициативы совершить революцию.

Но, если разобрать хорошенько, временное правительство не могло служить революции даже этим отрицательным способом. Это было бы самоубийством власти, а дело совершенно противоестественное, чтобы какое-нибудь существо или учреждение работало на собственное разрушение. Напротив, люди февраля, пропитанные правительственным предрассудком, должны были необходимо стремиться усиливать власть, а не уменьшать её;

им казалось, что неспособность правительства осуществить революционную программу происходит от его бессилия, что надо, стало быть, хлопотать об усилении его, дабы оно могло лучше служить революции. Вот почему вместо того, чтобы распустить армию, они организовали ещё подвижную стражу, почему не отменили карательных законов, почему одним словом, власть не только была сохранена в том виде, в каком была отнята у июльской монархии, но ещё и усилена, насколько было возможно.

Итак, мы приходим к такому выводу:

Временное правительство, как правительство, было неспособно произвести в обществе революцию; оно не могло обеспечить народные вольности, потому что потребности власти ставили его в необходимость, по возможности, усиливать себя; наконец, всё это вышло оттого, что так хотел народ, оттого, что народ учредил «правительство революции», не поняв, что революция прежде всего требует «отмены правительства».

Версия #1

Зверобой создал 11 апреля 2025 18:53:37

Зверобой обновил 11 апреля 2025 18:54:23